

Оглавление

От автора 5

Глава 1

«Инженерия человеческих душ» 7

Поэт и народная революция (о Блоке) 7

«Чтоб жить не в жертву дома дырам...»
(О Маяковском)..... 19

Советское общество в зеркале фантастики
И. А. Ефремова 31

Василий Аксёнов как зеркало либеральной
контрреволюции 61

Страсти по Зулейхе. Сталинизм и проблема
катарсиса..... 86

Иудушка Оруэлл. Роман не про СССР..... 101

Социалистический реализм как ключ
к пониманию советской культуры 121

Советский Союз писателей: литература
в сословном обществе 129

Жеглов против Шарапова. О восприятии
преступности у народа и интеллигенции 159

Глава 2

«...Тот, кто с песней по жизни шагает»	179
О чём поют песни, а о чём — не поют.....	179
Был ли Высоцкий антисоветчиком?	184
«И криминализация всей страны...».	
О «блатной» песне в СССР	
и в постсоветскую эпоху.....	214
Музыка сегрегации. Постсоветская судьба	
советского рока.....	229

Глава 3

«Важнейшее из всех искусств...»	246
Грозный и Бунша (о пьесе М. Булгакова «Иван	
Васильевич» и фильме Л. Гайдая «Иван	
Васильевич меняет профессию»)	246
Шестидесятник Шурик. Всерьёз о смешной	
комедии	258
Истинный смысл «Кавказской пленницы»....	267
«Д'Артаньян и три мушкетера». Советский	
фильм на советские темы	271
«Ну, погоди!» как свидетельство позднесовет-	
ской эпохи.....	277
Старая сказка на новый лад. Русский	
антибуржуазный архетип в фильме	
«Ирония судьбы, или С легким паром!»	289

Глава 4

Быт и бытие советского общества	300
От новогодья до новогодья: советский	
праздничный цикл.....	300

Новый год – советский праздник	307
Метаморфоза праздника: возвращение Женщины	321
Страсти по празднику Революции	329
Великая Победа в зеркале идеологии	345
Мавзолей Ленина как памятник народу	363
Забытые достижения СССР (будущее, которое мы потеряли)	374
Советские «Берёзки»: валюта на службе народа	395
Апология плацкартного вагона, или Модель советской цивилизации	410
Почему всё не могло остаться, как было? Диалектика позднесоветского общества	421
Диссидентское движение в СССР	452

От автора

Чем дальше советская цивилизация уходит от нас в пучину прошлого, тем острее большинство нашего общества (не только те, кто жил в СССР, но и представители молодого поколения, родившиеся уже в постсоветский разор) осознаёт: у нас была не только великая держава, у нас была великая культура. Культура, которой в подмётки не годятся поделки современной литературы, кино, театра «капиталистической» России. «Прорывы перестройки» обещали нам, что, стоит убрать препоны советской цензуры, как забьют неиссякаемые творческие фонтаны. Убрали препоны. Напечатали всё запрещенное — и эмигрантское, и заграничное. Стали ждать творческих фонтанов от деятелей искусств, инженеров человеческих душ и любимцев Муз, обретших долгожданную свободу. Но из фонтанов прерывистыми струями выстреливает только грязная водица — и ничего больше.

Не случайно ведь теперь народ с придыханием смотрит советское кино, перечитывает старые советские книги. Даже диссиденты и антисоветчики не создали ничего значительного, как только их оторвали, как Антея от матери, от ненавидимой ими советской почвы. Поэтому и либералы если зачитываются, то старыми романами своих поседевших, перепевающих прежние мотивы кумиров.

Эта книга — о нашей великой ушедшей советской культуре — литературе, кино, идеологии, феноменах социальной истории. Об их тайных смыслах, потаённом контексте, отражавшем то общество. Если мы поймем своё прошлое, то станем понимать и себя сегодняшних.

К советской культуре нужно возвращаться и возвращаться. Теперь, по прошествии лет, она прочитывается и видится иначе. Это возвращение и происходит в этой книге. На её страницах читатель снова встретится с Ефремовым и Булгаковым, Аксёновым и братьями Вайнерами, фильмом «Ирония судьбы» и песнями Высоцкого, задумается о подоплке советского Нового года или о... культурном контексте плацкартного вагона и магазинов «Берёзка».

Если книга заставит вас перенестись в прошлое, задуматься о нём, что-то в нём понять, то я буду считать свою задачу выполненной.

Глава 1
«ИНЖЕНЕРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ»

ПОЭТ И НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(О Блоке)

1

В далёкий, теперь уже баснословный год, когда автор этих строк только родился, Евгений Евтушенко, бывший тогда ещё советским поэтом, а не антисоветчиком в клоунской кепке, так написал об интеллигенции Серебряного века, подвергшей Блока обструкции за признание Советской власти:

Вам, кто руки не подал Блоку,
затеяв пакостную склоку
вокруг «Двенадцати», вокруг
певца, презревшего наветы,
вам не отмыть уже навеки
от нерукопожатья — рук.

....

Для мелюзги всегда удача
руки надменной неподача
тому, кто выше мелюзги.
Всегда слепцы кричат: «Продался!» —
тому, кто взглядом вдаль продрался,
когда не видно им ни зги.

Затем Евтушенко, правда, сам примкнул к столь презираемой им в 1970 году «мелюзге», «слепцам», которым не дано подняться до уровня Художника, слушающего «музыку времён»... Этим и отличается небольшой ухватистый талантлик от гения. Первый очень часто, по причине слабости к бытовым удобствам и глупой славе, легко предаёт высокие идеи, которые на мгновение открылись ему в «волшебном кристалле» вдохновенья.

Но вернёмся к Александру Блоку. Блоковский поворот к большевикам, действительно, был ударом для людей его круга — Мережковского, Гиппиус, Философова и прочих томных девушек в платьях и штанах, любивших мудро рассуждать о гностицизме, мистике и творческом экстазе и называвших себя по последней французской моде символистами. Блок был единственным гением среди них (как Маяковский — у футуристов, Есенин — у имажинистов). Он был знаменем школы символистов. Он был тем, что лукаво богословствующая и словоблудящая толпа из писателей и поэтов средней руки могла предьявить в качестве свидетельства истинности и плодотворности свой эстетической программы. Чуть ниже, но рядом с ним были лишь Брюсов и Белый, но к ужасу Гиппиус, любившей звать себя «Антоном», и её бородатой жены — Мережковского, и Брюсов с Белым приняли Октябрьскую

революцию. По-своему, с истерическими вывертами, но приняли!

Причём нельзя сказать, что Гиппиус, Мережковский и их друзья были яркими консерваторами, охранителями царской старины, истово ненавидевшими революцию как таковую. Напротив, они куда больше Блока заигрывали с огненной стихией социального мятежа и водили дружбу не с кем-нибудь, а с эсерами-террористами. В частности, со знаменитым Борисом Савинковым, который, отдыхая в Париже между убийствами царских министров, писал слёзно-мутные повестушки с образами из Апокалипсиса. Интересно, кстати, что после Великого Октября и Савинков, как и его декадентствующие приятели, оказался в рядах антибольшевистских сил и воевал на стороне белых, против социалистической власти и народа, хоть и называл себя «социалистом» и «народником».

Получается, *разница между Блоком, с одной стороны, и Мережковским, с другой, не в том, что первый принял революцию, а второй, желая сохранить этическую девственную чистоту, отверг её*. Нет, они оба приняли сначала Февральскую революцию (Блок даже входил в комиссию, которую образовало Временное правительство для расследования вопроса о «предательстве царской семьи в пользу Германии»). *Но, приняв эту интеллигентскую, верхушечную «революцию», по сути, политический переворот, Блок в ней быстро разочаровался, а когда на смену ей пришла как девятый вал настоящая, народная революция, он решил быть со своим народом*. А Мережковский с Гиппиус отказались, назвав этот народ «толпами хамья». Об этом хорошо написал Евтушенко в уже процитированном мной стихотворении:

Художник, в час великой пробы
не опустишь до мелкой злобы,
не стань Отечеству чужой.
Да, эмиграция есть драма,
но в жизни нет срамнее срама,
чем эмигрировать душой.

Поэт — политик поневоле.
Он тот, кто подал руку боли,
он тот, кто понял голос голи,
вложив его в свои уста,
и там, где огонь гудит, развихрясь,
где людям видится Антихрист,
он видит всё-таки Христа.

Сам Евтушенко, кстати, как мы теперь знаем, «великой пробы» не выдержал, до «мелкой злобы» опустился и стал «Отечеству чужой».

2

У Блока есть замечательная по содержанию статья — «Интеллигенция и революция», написанная в январе 1918 года и напечатанная в левозсеровской газете «Знамя труда» (Блок был не большевиком, а левым мистиком-народником и среди партий многопартийной ещё Советской власти ему были ближе левые эсеры). В этой статье поэт полемизирует с теми своими знакомцами из интеллигентского сословия, кто, испугавшись хаоса и буйства революции, завопил: «Россия гибнет!», «России больше нет!». Блок не соглашается с этим и говорит пророческие слова: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой». Так оно и вышло.